

В. Б. СТУДЕНЦОВ

ВОСПИТАНИЕ ДЛЯ КАПИТАЛИЗМА? КАЛЬВИНИЗМ И ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА В XVI веке

Студенцов Виктор Борисович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640003803-1

С момента появления известной работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» стало чуть ли не общим местом утверждение о «внутреннем сродстве» протестантизма и капитализма. В связи с этим чаще всего указывают на кальвинистскую доктрину предопределения. Однако если подобная связь вообще существует, то она может иметь и другие источники или во всяком случае источник, а именно религиозную дисциплину¹. «Для капитализма недисциплинированные представители... свободной воли... столь же неприемлемы в качестве рабочих, как и... дельцы»². Вот именно дисциплинированного субъекта якобы «поставляли», «воспитывали» для нужд нарождавшегося экономического строя протестанты, а особенно кальвинисты. Это суждение отнюдь не ново. «Для оценки того факта, что кальвинисты в конце концов стали более усердны в бизнесе, чем их собратья христиане, — писал американский историк М. Нэппен, — ...следует обратить внимание скорее на особую систему церковного управления и дисциплины, чем на доктрину предопределения, которой в тот период придерживались многие их современники-протестанты»³.

Реформация сопровождалась «в высшей степени тягостной и жесткой регламентацией всего поведения, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни»⁴, но кальвинистская дисциплина реформатских церквей даже здесь стояла особняком как наиболее последовательная и жесткая⁵.

ДИСЦИПЛИНА — ОПОРА ЦЕРКВИ

Церковная дисциплина во времена Реформации трактовалась не узко — как установление порядка в делах церковной организации, а широко — как регламентация всего поведения человека.

Оправдание дисциплины со стороны реформаторов было напрямую связано с представлениями о природе человека и о природе церкви. Так, Ж. Кальвин в своей антропологической концепции человека исходил из того, что тот по своей падшей природе склонен ко злу и возмущению, а потому над ним должна всенепременно

¹ Вебер понимал ее значение и уделил ей немало внимания в труде, примыкающем к «Протестантской этике», см. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма. — Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 273—306.

² Там же, с. 79.

³ Knappen M. M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. Chicago, 1970, p. 92—93.

⁴ Вебер М. Указ. соч., с. 62.

⁵ Gorski Ph. S. The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe. Chicago, 2003, p. 20.

тяготеть удерживающая узда⁶. Власть, истинно угодная Богу, должна быть непременно строга.

Кальвин и его последователи исповедовали доктрину предопределения — представление, что люди от начала мира предопределены одни ко спасению, другие к гибели. Решение Бога относительно участи конкретного человека безусловно и неизменно. Казалось бы, зачем тогда нужна церковь? Все дело в том, что, как считал Кальвин, даже если человек избран, он спасается не автоматически, а через веру. Бог принимает человека, только если он достигает святости, а таковая обретается через веру с помощью преподаваемого церковью Евангелия. Церковь помогает возгревать и поддерживать веру, способствует духовному возрастанию верующего и, в конечном счете, освящению. Таким образом, «нет иного способа войти в жизнь вечную, кроме как через [...] Церковь», «вне лоно Церкви нет надежды ни на прощение грехов, ни на спасение»⁷.

В идеале церковь должна была бы объединять только избранных. Но поскольку, как писал Кальвин, «нам вовсе не заповедано отличать избранных от отверженных», в церкви добрые христиане (избранные) оказываются вперемешку с лицемерами и грешниками, которых «до времени терпят — либо потому, что их невозможно уличить законным путем, либо потому, что церковная дисциплина не всегда надлежаше строга»⁸. Это состоящее как из избранных, так и отверженных «смешанное» сообщество — представляет собой видимую церковь, тогда как сообщество избранных составляет подлинную, но невидимую церковь. (В различные периоды своей жизни Кальвин оценивал долю спасенных среди внешне верных только от одной сотой до одной пятой⁹).

Кальвин был далеко не первым, кто провел данное различие. Традиция выделять две категории верующих и две церкви идет от Августина через Яна Гуса и Мартина Лютера, который первым и заговорил о невидимой церкви, к Ульриху Цвингли, Мартину Бucerу и только потом к Кальвину. Последний лишь подхватил и развил ее, после чего эта идея вошла в ткань ряда реформатских исповеданий веры¹⁰.

В свете смешанного состава верующих приобретает особую остроту вопрос о чистоте церкви. Если невозможно добиться того, чтобы границы невидимой и видимой церкви совпадали, во всяком случае нужно максимально полно оградить церковь от греховных поползновений пребывающих в ее составе нечестивцев. Вот почему практически все протестантские реформаторы признавали церковную дисциплину в качестве одной из важнейших характеристик истинной церкви¹¹.

Первостепенное значение чистоте церкви и дисциплине как средству предотвращения осквернения причастия отводил и Кальвин¹². «Если ни одно сообщество, ни один дом, как бы малы они ни были, не в состоянии существовать без дисциплины, то гораздо потребнее она в Церкви, которая должна быть устроена лучше любого хорошего дела и любого сообщества. Поэтому если учение Господа нашего

⁶ Природа человека греховна, он лишен свободной воли и подвержен всяческому злу, а «если человек удерживается в рабстве греху, то необходимо, чтобы главная часть его существа, воля, была ограничена и крепко повязана». — Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1997, т. 1, с. 284 (II. II. 27). И роль ограничителя должна играть церковная дисциплина.

⁷ Кальвин Ж. Указ. соч. М., 1999, т. 3, с. 11, 12 (IV. I. 4).

⁸ Там же, с. 11 (IV. I. 3), 17 (IV. I. 7).

⁹ Nelson R. H. Lutheranism and the Nordic Spirit of Social Democracy: a Different Protestant Ethic. Aarhus, 2017, p. 67. Приводящий эти оценки Р. Нельсон, к сожалению, не указывает источник столь редких, если не сказать уникальных данных.

¹⁰ Со временем доктрина существования видимой и невидимой церкви стала общей для многих, если не для большинства протестантских течений.

¹¹ Murdock G. Beyond Calvin: The Intellectual, Political and Cultural World of Europe's Reformed Churches, c. 1540—1620. Basingstoke — New York, 2004, p. 8.

¹² Duke A. Perspectives on International Calvinism. — Calvinism in Europe, 1540—1620. Cambridge, 1994.

Иисуса есть душа Церкви, то дисциплина подобна нервам, соединяющим члены тела и удерживающим каждый член в должном положении и состоянии»¹³.

Характер организационного устройства церкви зависел в том числе от особенностей ее взаимоотношений с государственной, светской властью. Там, где последняя была благосклонна или во всяком случае терпима к реформатам складывались пресвитерианские, т.е. более централизованные формы, там же, где она была враждебна — более рассредоточенные, конгрегационалистские. Вслед за кальвиновской Женовой пресвитерианский принцип устройства пустил корни в Голландии, Франции, Шотландии, Венгрии, Германии и других странах, конгрегационалистский же стал практиковаться прежде всего в Англии¹⁴ и впоследствии в Новой Англии. У пресвитериан церковь и поныне представляет собой совокупность приходов, объединенных по территориальному принципу в пресвитерии, делегирующие законодательную и судебную власть над собой в церковных вопросах синодам¹⁵ (или генеральным ассамблеям). На каждом уровне управления в состав руководства входили и входят как пасторы, так и выборные миряне-старейшины.

Конгрегационалисты, особенно озабоченные «чистотой» своих рядов, понимали и понимают церковь как добровольное собрание (конгрегацию) верующих буквально. Каждый приход, каждая община представляли собой как бы отдельную церковь. В отличие от пресвитерианских конгрегационалистские общины были суверенны, т.е. полностью независимы — самодостаточны и автономны — и никому не подчинялись, в том числе в финансовых и вероучительных вопросах¹⁶.

Конгрегационалистов также отличал добровольный принцип формирования церкви, который был прямой противоположностью обязательному, если так можно сказать, «резидентному», по которому верующие «рекрутируются» из близлежащей местности, независимо от их желания¹⁷ и безотносительно их духовного состояния¹⁸. Вступление в конгрегацию происходило по собственной воле верующего, причем только после предварительного отбора, при котором «случайные» люди отсеивались¹⁹. Священства как особого сословия «посредников» между паствой и Богом ни у конгрегационалистов, ни у пресвитериан не существовало — община сама выбирала себе пасторов.

Идеалом протестантских реформаторов был теснейший симбиоз церкви и государства — теократия. В их понимании жизнь человека во всех ее многообразных проявлениях должна быть всецело согласована со Священным Писанием и подчинена цели прославления Бога и приумножения славы Божией. Достичь этого силами только одной церкви им казалось невозможным, потому-то они и апеллировали к государству. Забота о нравственной дисциплине как одна из обязанностей светской власти не была «открытием» Реформации. «Протестантизм только прино-

¹³ Кальвин Ж. Указ. соч., т. 3, с. 219 (IV. XII. 1).

¹⁴ В Англии оформление отличной от приходской конгрегационалистской формы организации церкви было вызвано репрессиями в правление Марии Тюдор. Чуть ранее она стала складываться в эмигрантской среде на континенте — во Франкфурте, а в окончательном виде в 50-х годах XVI в. в Женеве.

¹⁵ Первым среди деятелей Реформации регулярное синодальное управление организовал Цвингли.

¹⁶ При этом часть английских конгрегационалистов, так называемые несепаратисты, при всех своих разногласиях с Церковью Англии продолжали считать себя ее частью.

¹⁷ В период, о котором идет речь, принадлежность к церкви была практически повсеместно обязательна.

¹⁸ Walzer M. The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics. London, 1966, p. 222.

¹⁹ Чтобы войти в лоно церкви, кандидат должен был засвидетельствовать свою духовную подготовленность при собеседовании с пастором и конгрегацией.

сит другие, более строгие правила, объединяет их религиозной идеей, связывает в цельный общественный идеал»²⁰.

Цвингли, реформы которого шли под надзором и при непосредственном участии городских властей Цюриха, фактически подчинил церковь государству, следствием чего стала принудительность исповедования для всех граждан. Кальвин также немало надежд возлагал на светские власти. Последние, утверждал он, «должны очищать Церковь от соблазнов», «предотвратить распространение в народе “идолопоклонства” (прежде всего почитания икон), осквернения имени Божьего и божественной истины и прочих преступлений против веры»²¹. Действия церковных и светских властей «должны сопрягаться между собой, чтобы они помогали, а не мешали друг другу»²². Перед кальвинистской дисциплиной ставилась задача в максимальной степени устранить из христианского сообщества грех как таковой. При чем Кальвина больше всего заботила чистота церкви. Это видно из того, что греховное деяние оценивалось по-разному в зависимости от того было ли оно явным или тайным. Первое полагалось более тяжким, поскольку могло ввести верующих в соблазн. По словам современного исследователя Ф. С. Горского, кальвинисты «нацелились на ничуть не меньшее, чем установление всеохватного режима нравственной и общественной дисциплины — дисциплинарную революцию»²³.

«НАИБОЛЕЕ СОВЕРШЕННАЯ ШКОЛА ХРИСТА»²⁴: ГОРОД-ЦЕРКОВЬ ЖЕНЕВА

Первую попытку реализовать новые принципы церковной организации на практике Кальвин совместно с Г. Фарелем предпринял в 1536 г. в Женеве. Но уже в первой половине 1538 г. был вынужден покинуть город под давлением недовольства как горожан, так и союзного Женеве Берна, власти которого несколько иначе исповедовали протестантскую веру. В сентябре 1541 г. Кальвин, однако, вернулся в Женеву. Тогда-то и было создано такое церковное и гражданское устройство, которое вскоре превратило свободную демократическую республику в теократическое государство, управляемое, как говорили критики, «женевским папой»²⁵.

По собственному признанию Кальвина, в 1536 г. он нашел церковь Женевы в расстроенном состоянии — клирики ограничивались проповедями, что, по его мнению, делало их больше проповедниками, нежели пастырями; не боролись с «идолами»; обучения детей основам веры не существовало. Богослужение, которое пришло бы на смену упраздненной католической мессы, также отсутствовало. Наконец, внутренняя жизнь церкви и ее взаимоотношения со светскими властями (магистратом) не были регламентированы²⁶.

Гражданская власть в городе принадлежала светским учреждениям — прежде всего трем правящим советам. Каждый февраль общее собрание граждан избирало три совета — так называемый малый (численностью двадцать человек), советы шестидесяти и двухсот, а также четырех правящих магистратов (синдиков)²⁷ и членов вспомогательных муниципальных органов.

²⁰ Bunner P. Ю. Влияние Кальвина на политические учения и движения XVI века. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894, с. 71.

²¹ Кальвин Ж. Указ. соч., т. 3, с. 206 (IV. XI. 3), 467—468, (IV. XX. 3).

²² Там же, с. 206 (IV. XI. 3).

²³ Gorski Ph. S. Op. cit., p. 22.

²⁴ Характеристика шотландского реформата Дж. Нокса. Полностью она такова: «наиболее совершенная школа Христа, когда-либо существовавшая со дней апостолов» (цит. по: Knappen M. M. Op. cit., p. 136).

²⁵ Порозовская Б. Д. Иоганн Кальвин, его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1891, с. 67.

²⁶ Manetsch S. M. Calvin's Company of Pastors: Pastoral Care and the Emerging Reformed Church, 1536—1609. Oxford, 2013, p. 18.

²⁷ На них было возложено выполнение судебно-полицейских функций.

Церковное же устройство Жене́вы было определено церковными ордона́нсами 1541 г. — подготовленной Кальви́ном своеобразной религиозной конституцией. В соответствии с ней определялись четыре церковных служения — священники, к разряду которых относились пасторы (проповедники), доктора (богословы-учителя), старейшины и диаконы²⁸.

Первенствующая роль в церковном управлении по понятным причинам отводилась пасторам. Они должны были проповедовать слово Божие, учить народ и раздавать причастие. Преимущественным делом учителей (наставников) являлось обучение основам веры и толкование Священного Писания. Духовенство, однако, не должно было замыкаться на внутрицерковной деятельности, ему надлежало руководить не только религиозной, но и всей нравственной жизнью, вверенной ему паствы. Пасторы были оплачиваемыми наемными работниками, нанимавшимися малым советом, но сохраняли независимость. В период церковного руководства Кальвина (1542—1564) число пасторов Жене́вы и пригородов выросло с 9 до 19.

Размещение трех жене́вских церковных приходов (их при католиках насчитывалось семь) было произведено так, чтобы наиболее плотно охватить жителей и наилучшим образом обеспечить надзор над ними со стороны духовных лиц²⁹. Для этого же пасторы селились поближе к собственной пастве.

Старейшины-миряне (числом двенадцать) избирались ежегодно одновременно с советами всеобщим голосованием с таким расчетом, чтобы в их составе оказались представители всех 12 районов города. Два мирянина, в том числе один из правящих синди́ков, делегировались малым советом, четверо рекрутировались из совета шестидесяти, а еще шестеро — из совета двухсот. Кандидатуры старейшин, вносившиеся малым советом, согласовывались с пасторами, с ними же в конце года совет консультировался, кого из старейшин предложить к переизбранию на новый срок, а кого нет. Хорошо зарекомендовавший себя старейшина теоретически мог избираться семикратно.

За каждым городским старейшиной «закреплялась» территория, над населением которой ему предстояло явно и тайно надзирать. Важнейшая задача старейшин, гласили ордона́нсы, заключалась в том, чтобы следить за правоверностью граждан, преследовать богохульство, идолопоклонство, безнравственность. Они должны были наблюдать среди прочего за регулярностью посещения верующими проповедей³⁰, аккуратностью причащения, воспитанием ими собственных детей, в целом степенью нравственности поведения.

Для надзора за паствой примыкающих к Жене́ве примерно дюжины пригородных приходов в помощь местным пасторам и управителям консистория ежегодно назначала особого смотрителя, который при необходимости мог представить согрешившего перед лицом городских клириков.

Наконец, особой категорией духовных лиц являлись диаконы. Они избирались общим собранием граждан по особой процедуре, руководили благотворительными учреждениями³¹ и представляли собой наиболее далекое от духовной деятельности служение из четырех, «практически полностью светский институт»³².

²⁸ Эти чины считались равными по достоинству и ценности, но отличающимися функциями и сроком служения. Так, пасторы, в отличие от остальных, обычно занимали свои должности на протяжении всей жизни.

²⁹ До 1541 г. прихожане могли свободно переходить из одной городской приходской церкви в другую и слушать проповеди. После принятия церковных ордона́нсов они оказались «приписаны» к конкретным приходским храмам — только в них дети могли и должны были слушать катехизаторские проповеди, а взрослые — получать причастие (*Manetsch S. M. Calvin's Company...*, p. 20). Впрочем, верующим не возбранялось посещать проповеди и в других храмах.

³⁰ Посещение проповеди считалось первейшим христианским долгом и обязанностью гражданина.

³¹ *Kingdon R. M. Social Welfare in Calvin's Geneva. — American Historical Review, v. 76, № 1, 1971, p. 50—69.*

³² *Kingdon R. M. Church and Society in Reformation Europe. London, 1985, p. VII, 87.*

Для обеспечения пасторского единства, подотчетности и коллегиальности Кальвин учредил ряд церковных институтов — коллегия, совещание (*congrégation*), ежеквартальную проборку (*censure*) и, наконец, консисторию.

Коллегия пасторов объединяла всех духовных лиц Женевы. В члены этого собрания входили священники трех городских церквей (числом 8—10), 4 профессора женеvской Академии³³ и еще 1—11 пасторов, служивших в деревенских приходах в округе Женевы. В период с 1536 по 1609 г. в разное время в работе коллегии в общей сложности приняли участие более 130 человек³⁴.

Первейшей задачей коллегии пасторов был надзор за деятельностью священства Женевы, охранение чистоты и единообразия вероучения. Еженедельно по утрам в пятницу она собиралась для обсуждения вопросов церковной и общественной жизни, формулирования советов и рекомендаций городскому магистрату. Данное учреждение регулярно проверяло духовное и физическое состояние пасторов и в случае необходимости обращалось к городским властям за помощью тем коллегам, которые жили в бедности или в невыносимых жилищных условиях. Со временем коллегия стала исполнять роль важнейшего органа по продвижению кальвинизма за пределы Женевы, делаясь теологическими советами, кадрами и финансовой помощью.

Коллегия была первоочередной инстанцией как при поставлении пастора, просматривавшей и отсеивавшей кандидатов, так и при лишении сана, что могло произойти по причине обнаруженной в его воззрениях ереси или преступного поведения. Именно ее разрешение требовалось для того, чтобы пастор мог покинуть свой пост и переехать в другую местность.

Уполномоченные коллегии ежегодно ревизовали деятельность проповедников и диаконов, состояние теологического образования в Академии. Отчеты инспекций заслушивались, нерадивые получали взыскания. Тут же на коллегии обсуждались и готовились многие политические решения, касавшиеся жизни города.

Совещание было создано по образцу цвинглианской теологической школы в Цюрихе и представляло собой еженедельную конференцию, в ходе которой священники, преподаватели и студенты теологии занимались совместным изучением Писания. Основной целью совещания было обеспечение чистоты и единства церковной доктрины и достижение того, чтобы все духовные лица были прилежны в изучении Слова и умелы в его толковании. По утрам в пятницу пасторы каждый в свой черед представляли подробное объяснение ежедневного богослужебного библейского текста, а все присутствовавшие обсуждали и старались дополнить либо критиковать сказанное³⁵.

Еще одним институтом, призванным обеспечить пасторскую ответственность и солидарность, являлась ежеквартальная *проборка*. Раз в три месяца незадолго до причастия пасторы собирались за закрытыми дверями для откровенного разговора и «братской» критики. Здесь они без оглядки на посторонних могли выразить богословские несогласия, высказать жалобы и укоризны в адрес друг друга. Тут же обычно обсуждалось теологическое содержание сказанной одним из присутствовавших проповеди или написанной книги.

Коллегия пасторов, совещание и проборка представляли собой, если можно так сказать, «внутреннюю кухню» слаженного дисциплинарного религиозного механизма Женевы, центральным же его институтом и тем, что был обращен вовне, к верующим являлась *консистория*.

³³ Под громким словом «академия» скрывалась семинария.

³⁴ *Manetsch S. M. Calvin's Company...*, p. 2.

³⁵ Одним из способов достижения единообразия преподаваемого пастве учения было периодическое чтение клириками проповедей в стенах не «своих», а «чужих» храмов. Это также не позволяло воспринимать храмы, в которых они служили постоянно, в качестве своих вотчин.

КОНСИСТОРИЯ — СУДЬЯ И СОВЕТЧИК

Воплощением идеи Кальвина о тесной связи между церковью и государством была деятельность именно консистории, которая представляла собой дисциплинарное учреждение — нечто среднее между духовной лечебницей и церковным судом. Под юрисдикцию консистории попадали только нравственные преступления, уголовные же деяния были прерогативой гражданских, светских властей. Консистория занималась рассмотрением грехов как против веры, так и разнообразных бытовых — от лжи и сквернословия до пьянства, от внебрачных половых связей до ростовщичества.

Вообще говоря, нравственное поведение женецев было жестко кодифицировано, если не всегда на бумаге, то по факту. Одежды, прически, объем и характер съеденного и выпитого подвергались скрупулезной оценке с точки зрения их соответствия нормам нравственности, благочестия и библейских предписаний. «Купец в своей лавке, ремесленник в мастерской, торговка на рынке, заключенный в темнице — все они были под контролем старейшин, для всех существовали обязательные правила»³⁶. В такой ситуации вероятность (и опасность) «оступиться» и попасть в консисторию на «правеж» была велика.

Женевская консистория, как и появившиеся вслед за ней клоны в других странах, представляла собой не только орган нравственного контроля, но и своеобразное консультационно-согласительное и воспитательное учреждение. Она занималась урегулированием как бытовых, так и деловых споров и конфликтов (межличностных и групповых), давала советы по лучшему устройству жизни и быта³⁷. Члены консистории «служили помощниками бедных, защитниками слабых, наставниками малообразованных, примирителями рассорившихся, утешителями умирающих»³⁸.

Консисторию составляли все городские пасторы и двенадцать старейшин-мирян. Председательствовал на ее слушаниях старейшина, который в данном году являлся синдиком³⁹, а в его отсутствие один из пасторов. Последние должны были участвовать в еженедельной работе данного органа поголовно, но делали это не все и не всегда (особенно это касается тех, кто «окормлял» загородные приходы). Каждый четверг в полдень помещение консистории заполняли десятки людей для участия в разбирательствах и дачи свидетельских показаний. Большая часть приглашенных ответчиков приходила добровольно, избегая тем самым насильственного и принудительного привода. Во второй половине XVI в. ежегодно через консисторию проходило 5—7 % населения Женевы⁴⁰.

По крайней мере раз в год члены консистории обходили все городские жилища, чтобы лично удостовериться в благочестивом образе жизни их обитателей⁴¹. Но и помимо этого явного и даже где-то демонстративного контроля осуществлялся негласный, но неусыпный надзор за происходившем во вверенных попечению старейшин кварталах. В этом деле у них находилось немало добровольных помощников — «ревнителей» и тайных шпионов, готовых о всякой, даже мелкой провинности донести им или же в консисторию и получить вознаграждение от штрафных денег. По различным свидетельствам, Женеву Кальвина характеризовала

³⁶ Порозовская Б. Д. Указ. соч., с. 75.

³⁷ Valeri M. Religion, Discipline, and the Economy in Calvin's Geneva. — *Sixteenth Century Journal. The Journal of Early Modern Studies*, v. 28, № 1, 1997, p. 131.

³⁸ Manetsch S. M. Pastoral Care East of Eden: The Consistory of Geneva, 1568—1582. — *Church History*, v. 75, № 2, 2006, p. 313.

³⁹ Kingdon R. M. The Control of Morals in Geneva. — *The Social History of the Reformation*. Columbus, 1972, p. 7.

⁴⁰ Kingdon R. M. Les "supporteurs" de la discipline ecclésiastique à Genève au temps de Calvin. — *Dire l'interdit: The Vocabulary of Censure and Exclusion in the Early Modern Reformed Tradition*. Leiden — Boston, 2010, p. 170; Manetsch Scott M. Pastoral Care..., p. 286—287; Murdock G. Op. cit., p. 97.

⁴¹ В воспринявшей опыт Кальвина церкви Утрехта такие визитации проходили даже чаще — раз в квартал: Pollmann J. Off the Record: Problems in the Quantifying of Calvinist Church Discipline. — *Sixteenth Century Journal. The Journal of Early Modern Studies*, v. 33, № 2, 2002, p. 426.

повсеместная и всеохватная слежка всех за всеми⁴². В такой атмосфере не могли не расцвести доноительство и наветы. Неудивительно, что консистории приходилось разбирать не только действительно совершенные, но и предполагаемые или даже вымышленные проступки и греховные действия — следствие оговоров со стороны соседей, обиженных членов семьи или просто завистников.

Разработанная Кальвином практика наказаний преследовала три цели: во-первых, «людей дурного поведения» не причислять к христианам во избежание осквернения таинства причащения, во-вторых, ограждать «благочестивых» от «заражения» нечестием при общении с «нечестивцами», и, в-третьих, устыжать последних в целях их покаяния и исправления⁴³.

Уличенные в грехах против нравственности не все и не всегда сразу попадали на рассмотрение в консисторию. При незначительности содеянного старейшина прежде старался воздействовать на виновного «отеческим» увещанием, предостережением. Провинившемуся давали время на исправление, и только если он упорствовал и не менял своего поведения, не выказывал признаков покаяния, дело передавали в консисторию. Прямая дорога в нее была совершившим очевидные (или предполагаемые) серьезные правонарушения и преступления против морали. В таких случаях старейшины сразу сообщали в консисторию, которая начинала отправлять функции церковного суда.

При установлении виновности консистория прописывала грешнику духовное «лекарство», долженствующее способствовать покаянию и изменению жизни. По степени нарастания суровости духовные наказания были таковы: частное порицание, а также публичные — увещание со стороны консистории, малое отлучение (недопуск к причастию) и, наконец, большое отлучение. Судебные решения консистории в отношении публичных наказаний оглашались на церковных службах, так что никто из членов общины не мог пребывать в неведении (разве что не посещающие церковь по немощи, но и до тех соответствующая информация должным образом доводилась⁴⁴).

При малом отлучении запрещалось приступать к таинству Вечери Господней (причастию), но позволялось участвовать в общественных службах. Недопуск к причастию рассматривался как столь страшное наказание, что по самой своей природе мог быть только кратковременным — на один или два квартала (причащение происходило раз в квартал), после чего «исправившемуся» грешнику полагалось принести покаяние и воссоединиться с церковью.

Большое отлучение — на долгий срок, а в крайних случаях навсегда — оказывалось уделом тех, кто считался закоренелым грешником, упорно отказывавшимся исправить свое поведение и принести покаяние. Положение отлученного было незавидным — он не мог сочетаться браком (ведь брак был церковным, а не гражданским установлением), крестить ребенка или стать крестным. Но помимо церковных прещений отлученный подвергался остракизму, что сказывалось как в повседневном общении со знакомыми и окружающими, так и на его профессиональной деятельности. Похожая участь ожидала даже тех, кто получал более мягкие наказания со стороны консистории. Неудивительно, что большинство женецвев страшила перспектива даже просто предстать перед консисторией, не говоря уже о том, чтобы быть ею наказанным.

Отлучение имело место относительно редко — пастыри старались наставить «заблудшую овцу» на путь истинный и оставить в «стаде». Могли пройти многие месяцы и даже годы с момента первого попадания «сбившегося с пути» в консисторию до его отлучения⁴⁵. Правда, первые годы «воцарения» Кальвина в Женеве

⁴² Порозовская Б. Д. Указ. соч., с. 75; Kingdon R. M. *The Control of Morals...*, p. 10.

⁴³ Кальвин Ж. Указ. соч., т. 3, с. 222—223 (IV. XII. 5).

⁴⁴ Кстати, заболевший был обязан в течение первых трех суток болезни пригласить к себе духовное лицо.

⁴⁵ Здесь следовали выработанному Кальвином подходу: «Использовать дисциплину надо так, чтобы помочь спасению тех, кто обратил на себя внимание церкви. Суровость, преступившая

были отмечены жесточайшими репрессиями — массовыми отлучениями, казнями и изгнаниями. Впоследствии до середины 1550-х годов отлучения стали относительно редки⁴⁶. Новый всплеск репрессивной активности наблюдался в середине 1560-х годов уже при преемнике Кальвина Т. Беза. При нем стало ежегодно в той или иной форме отлучаться примерно 4 % взрослого населения Женевы и пригородов⁴⁷. Впрочем, вскоре все вернулось в спокойное русло — в 70-е и начале 80-х годов XVI в. восстановились прежние масштабы отлучений. В целом женевские церковные власти в отношении отлучений были «щедрее», чем их коллеги в других странах.

Кроме духовного «лекарства» для провинившихся существовали и санкции со стороны гражданских властей. Малый совет имел полномочия налагать штрафы, заключать под стражу (срок обычно исчислялся несколькими днями), применять телесные наказания, наконец, изгонять или даже казнить грешника. При обнаружении очевидной греховности и преступного поведения консистория сразу же начинала действовать как совещательный орган гражданской власти, собирая свидетельства и формулируя предложения о наказании.

Дисциплинарная система пресвитерианских (синодальных) церквей в других странах (Франции, Нидерландах, Германии и др.) во многом копировала женевский опыт. Единственным существенным различием был вопрос о праве отлучать грешника. В той же Женеве к вящему неудовольствию клира до 1555 г. отлучение являлось прерогативой не духовных, а гражданских властей, точнее, малого совета⁴⁸. Клер полагал, что нераскаянные отлученные грешники должны лишаться и гражданства, а значит изгоняться. В этом вопросе он не всегда находил понимание у светской власти, которая твердо отстаивала свои полномочия.

Целью консисторий, взявших себе в качестве модели для подражания Женеву, также было не только и не столько наказание, сколько предупреждение и исправление. Тем не менее замечено, что там, где реформатская церковь обладала государственным или полугосударственным статусом, она решительнее прибегала к санкциям (например, в Венгрии и Шотландии) — к штрафам и жестоким телесным наказаниям⁴⁹, — чем в странах, где она была лишена протекции со стороны государства и принуждена конкурировать с другими конфессиями⁵⁰. В Шотландии пресвитерианская церковь «использовала все возможные средства, включая террор для насаждения нравственной и духовной тирании»⁵¹. Если в ряде мест Голландии и Франции церковные власти больше уповали на духовные наказания — раскаяния и недопуск ко причастию, то, например, в Валангине (Невшатель, Швейцария) практиковали самые различные меры — от порицания, отлучения, штрафов до приговора к позорному столбу, тюремного заключения и, наконец, изгнания⁵².

Сколько-либо значительно дисциплинарная практика конгрегационалистов не отличалась от опыта пресвитериан — в ходу были те же три основные публичные

положенный предел, непременно причинит рану. Итак, если мы хотим им помочь, необходимы кротость и мягкость, дабы порицаемые тем не менее понимали, что они любимы. В итоге отлучение направлено не на то, чтобы удалить людей от стада Господня, но скорее к тому, чтобы призвать обратно совратившихся и заблудших» (*Кальвин Ж.* Толкование на Первое послание Петра, Первое послание Иоанна, Первое и Второе послания Павла к Фессалоникийцам. Минск, 2011, с. 330—331).

⁴⁶ Gordon B. Calvin. New Haven — London, 2009, p. 134.

⁴⁷ Manetsch S. M. Pastoral Care..., p. 286.

⁴⁸ Gordon B. Op. cit., p. 79.

⁴⁹ Pollmann J. Op. cit., p. 424.

⁵⁰ Bezzina E. The Consistory of Loudun, 1589—1602: Seeking an Equilibrium between Utility, Compassion and Social Discipline in Uncertain Time. — *Dire l'interdit: The Vocabulary of Censure and Exclusion in the Early Modern Reformed Tradition*. Leiden — Boston, 2010.

⁵¹ Marshall G. Presbyteries and Profits. Calvinism and the Development of Capitalism in Scotland, 1560—1707. Oxford, 1980, p. 41.

⁵² Benedict P. Christ's Churches Purely Reformed: A Social History of Calvinism. New Haven — London, 2002, p. 463.

меры наказания. Роль церковного суда здесь играло совещание пастора и старейшин, но при серьезных случаях его могла исполнять и вся конгрегация. Для такого рода общин был характерен жесткий самоконтроль и взаимный контроль ее членов, которые полагали себя избранными, «святыми». «Святому» предписывалось придирчиво оценивать собственные поступки (для этого многие вели дневники), но не обходить своим вниманием деяния и других членов общины. Считалось, что член конгрегационалистской общины нес ответственность перед Богом не только за себя лично, но в каком-то смысле и за всех остальных ее членов, а потому поведение собрата-верующего было предметом его законного интереса. «Святые были вовлечены в плотную систему коллективной слежки, что иногда могло оборачиваться своего рода духовным терроризмом»⁵³. Кстати, в следовавшем кальвинистской традиции пуританском богословии дисциплинированная, покорная жизнь считалась важнейшим средством обретения уверенности в вечной жизни.

В начальный период Реформации в ряде государственных образований ведущую роль в установлении и поддержании нравственной дисциплины играли не реформатские церкви с их консисториями, а гражданские власти — магистраты. В Цюрихе, Базеле, Берне и Лозанне отправлением правосудия над грешниками занимались находившиеся под контролем городских советов суды. Таким образом, малые и большие отлучения были делом гражданских властей. В Лозанне П. Вире отказался раздавать причастие, пока церкви не будет возвращено право самой определять, кого допускать к нему, а кого нет. После того как светские власти категорически воспротивились передать решение данного вопроса на усмотрение духовных лиц, он и еще около тридцати его единомышленников из числа священнослужителей покинули Лозанну.

В курфюршестве Пфальц после 1564 г. реформатская церковь перешла под контроль государственного совета, состоявшего из трех духовных лиц и стольких же чиновников. Она не имела права самостоятельно назначать какие-либо наказания за нравственные преступления. Правда, с 1570 г. право предупреждать нарушителей получили созданные в приходах консистории, а отлучать их — синод. Деятельность последнего, равно как и всей церкви находилась под контролем государственного совета, включавшего в себя как духовных, так и гражданских лиц.

* * *

В XVI в. в условиях почти поголовного членства в церкви и высокой религиозности населения церковная дисциплина с ее прещениями, дополняемая к тому же наказаниями со стороны светских властей, была эффективным инструментом социального контроля. Особенностью дисциплины реформатских церквей было активнейшее участие в ней мирян-старейшин. Поскольку старейшины, на которых лежала основная, рутинная работа по «воспитанию» паствы, рекрутировались из власть и богатство имущих⁵⁴, то они вполне естественно формировали мировоззрение и поведение «подопечных», сообразуясь в том числе со своими представлениями и интересами.

Странно было бы думать, что церковно-полицейский контроль над жизнью верующих со стороны кальвинистских государственных пресвитерианских церквей, как было замечено, мало чем отличавшийся от методов инквизиции, равно как деятельность основанная на добровольном подчинении полиции нравов конгрегационалистов⁵⁵ могли не оставить следа на умонастроениях и поведении населения Европы. Режим «принудительной нравственности»⁵⁶ способствовал выработке навыков безусловного подчинения, целеустремленности и сосредоточенности, орга-

⁵³ Walzer M. Op. cit., p. 221.

⁵⁴ Murdock G. Beyond Calvin..., p. 97—98.

⁵⁵ Бебер М. Указ. соч., с. 182.

⁵⁶ Kingdon R. M. The Control of Morals..., p. 4.

низованного и систематического поведения, исподволь подготавливая «кадры» для капитализма. «Капитализм в период своего возникновения нуждался в рабочих, считавших долгом своей *совести* подчиняться экономической эксплуатации»⁵⁷.

Но не это, конечно, было целью Кальвина, его приверженцев и последователей как в Женеве, так и за ее пределами. Известный британский экономический историк, христианский социалист Р. Тоуни замечал, что в кальвинизме изначально были две внутренние тенденции — одна ориентировалась на личную ответственность, дисциплину и аскетизм, другая — на социальность. «Из доктрины Кальвина можно вывести как сильный индивидуализм, так и ригористический христианский социализм»⁵⁸. И все же «религиозный коллективизм» кальвинистов вопреки тому, что о нем писал Тоуни, был далек от полукommунизма или даже от привычного нам социализма, поскольку всецело базировался на частной собственности. Общность имущества, исповедуемая радикальным крылом Реформации, Кальвином и его последователями категорически отрицалась. Социализация, дисциплинирование верующих имело целью придание христианскому обществу большей сплоченности, спаянности, не более того.

В наши дни Кальвину нередко приписывают то, что он якобы каким-то образом «благословил» капитализм, что не так или даже совсем не так. Действительно, как пастырь и неформальный глава торгового города он оправдывал получение прибыли как нечто естественное и необходимое. Не мог или не хотел⁵⁹ он противиться и уже укоренившейся в Женеве практике отдачи денег в рост⁶⁰, мало того, под давлением обстоятельств впоследствии санкционировал взимание более высокого процента в надежде на то, что это поощрит людей вести дела честнее⁶¹. Но при этом Кальвин по мере сил боролся с тем, что им понималось как проявление антихристианского духа алчности. Совместное причащение, по его мнению, объединяло верующих в единый социальный организм, налагая на них взаимную обязанность вести дела в духе согласия и милосердия⁶². Алчность же вступала в резкое противоречие с этими принципами. Как-то он назвал предпринимателей «грабителями, надеющимися на катастрофу, чтобы поднять цены на свои товары»⁶³. Но порицалась не торговля, не деловая деятельность как таковая, а «обман, скрытые трюки, обманные правила», т.е. ее нечестное, антисоциальное ведение⁶⁴. Таким образом, кальвинизм «одновременно давал полную *санкцию* на ведение делового предпринимательства ...и налагал на него ограничивающую руку инквизиторской дисциплины»⁶⁵.

⁵⁷ Вебер М. Указ. соч., с. 270, прим. 299.

⁵⁸ Tawney R. H. Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study (Holland Memorial Lectures, 1922), London, 1927, p. 112.

⁵⁹ Ветхозаветную заповедь не брать лихвы Кальвин считал исторически преходящей, имевшей силу только в кровнородственном аграрном сообществе древнего Израиля, которому и был адресован Ветхий Завет.

⁶⁰ Кальвин «унаследовал» взимание процента, поскольку местный католический епископ узаконил его за два века до этого: Blanchard K. D. The Protestant Ethic or the Spirit of Capitalism: Christians, Freedom and Free Markets. Eugene (Oregon), 2010, p. 37.

⁶¹ Установленные ограничения на взимание процента порождали обходные тактики — дачу в рост не наличности, а натуры (скажем, мешков пшеницы), валютные спекуляции, многие другие подобные действия, которые было сложно отследить и выявить.

⁶² Valeri M. Op. cit., p. 126.

⁶³ Terrell T. D. What Calvinism Did for Economics. — Chalcedon Report. Faith for All Our Life, № 459, 2004, p. 14.

⁶⁴ Valeri M. Op. cit., p. 132—133.

⁶⁵ Tawney R. H. Op. cit., p. 234.